

О жизни и судьбе молодежи, работавшей в Ростовском музее в 20-е годы XX в.

В. В. Иванов

Трудовой путь моих родителей В. Н. Иванова и В. А. Смысловой начался в Ростовском музее в 1920-е гг. Почти одновременно в музей пришла большая группа молодежи, среди которой были Н. Н. Фелицына, Н. С. Иванова, И. О. Сосфенов, М. В. Талицкий, М. П. Ильин. Несмотря на сложную ситуацию того времени, сотрудникам музея во главе с Д. А. Ушаковым удалось создать необычайную творческую атмосферу. Молодые люди оказались в уникальной обстановке, которая не только определила их дальнейшую профессиональную судьбу, но стала основой для возникновения глубоких искренних отношений, сохранявшихся до конца жизни. Мне выпала большая удача быть знакомым со многими ростовскими друзьями моих родителей и быть свидетелем их дружбы и любви.

Все они — выходцы из семей, представлявших основные городские сословия. В. А. Смылова, Н. С. и В. Н. Ивановы, М. В. Талицкий — представители известных ростовских фамилий, принадлежавших к «городским обывателям», купцам и мещанам. Н. Н. Фелицына — из семьи священника, отец И. О. Сосфенова, О. И. Сосфенов — офицер, служил в размещенной в Ростове артиллерийской бригаде. М. П. Ильин приехал из Тверской области, его родители были школьными учителями.

Молодые люди активно включились в жизнь музея тех лет. В одной из статей Е. В. Брюхановой этот период в истории музея назван «маршем энтузиастов»¹. В этом «марше» участвовали практически все представители пришедшей в музей молодежи. Пользуясь доверием директора — Д. А. Ушакова, они самостоятельно проводили исследования края. Ездили по селам и деревням, выявляя типы жилых построек, описывали архитектурные детали и украшения. При этом делались зарисовки, чертежи и схемы. Исследовалась кустарная промышленность. Собирался материал по статистике выработки и сбыта, закупке сырья, технике и условиям производства². Как вспоминал В. Н. Иванов, сбор подобного материала был не очень эффективен из-за того, что кустари боязливо отвечали на вопросы, явно преуменьшая выработку и доход. В годы НЭПа кустари обкладывались высоким налогом, некоторые прекратили производство. Но существовал гончарный промысел, гнали деготь, плели корзины³. Отчеты об этих исследованиях хранятся в архиве музея.

М. П. Ильин занимался сбором информации о растительном мире Ростовского уезда. Сохранились его рукописи тех лет: «Список растений, собранных и определённых сотрудником Ростовского музея М. П. Ильиным в 1926 г.», отчёты «Изучение положения с выращиванием культурных и сбором

дикорастущих лекарственных растений в Ростовском уезде в 1927–1928 гг.», «Дневник обследования растительности Ростовского уезда за 1927 год», «Распространение древесных пород по Ростовскому уезду Ярославской области»⁴.

В период 1921–1926 гг. были организованы археологические раскопки Сарского городища недалеко от Ростова, близ села Деболы. Здесь сблизились и подружился В. Н. Иванов, И. О. Сосфенов и М. В. Талицкий, которые были участниками экспедиции вместе с другими добровольцами и любителями краеведения. Полевые работы проводились под руководством Д. Н. Эдинга. Под его наставлением ребята прошли первую серьезную профессиональную школу, а для М. В. Талицкого эти раскопки определили дальнейший жизненный путь, он выбрал профессию археолога. Очевидно, что друзья хорошо проявили себя, поскольку все удостоились персональной благодарности Д. Н. Эдинга в книге «Сарское городище», изданной в 1928 г.⁵

С увеличением штата в музей пополнялся молодыми людьми. Они много времени проводили вместе, выезжая на речку Сару под Поречье или в Троице-Бор у Борисоглеба. В. Н. Иванов в своих мемуарах, написанных в середине 1980-х гг., рассказал: «... В Борисоглебе мы встречались большой компанией: Вера, Нина, Наташа, М. Талицкий, И. Сосфенов, С. Бурмистров. Было весело, намечалось, что я играю в ухаживание с Верой, Миша с Ниной, Илья с Наташей. Ночью не все могли улечься спать, играли в преферанс, ходили купаться на речку, немного выпивали, пили чай, чувствовали себя беззаботно, но любовь разгоралась, но ее почему-то надо было скрывать, даже в какой-то мере разыгрывать ухажерство. А когда наступало утро понедельника, и надо было почти бегом бежать 18 км до Ростова, а главное — оставлять предмет любви, это было удручающе печально. Но зато в следующую субботу можно было, задрав штаны и сняв ботинки, босиком снова спешить в Борисоглеб и мечтать, мечтать. Так сжималось сердце, а при виде могучих сосен на последнем подъеме к монастырю — почти кричать от радости предстоящей встречи. Это необходимо пережить каждому, чтоб не притупились чувства, чтоб уметь чувствовать...

...Появились ограбления музеев, и Дм. Ал. (Д. А. Ушаков) ввел дежурства ночью по 2–3 человека. Дежурили в очередь сторожа, и в помощь — мы, молодежь. Я в это лето безнадежно влюбился в Веру и грезил ею, она меня не дичилась, были мы молоды, скромны и скрывали свое чувство, хотя вызывались на дежурство ночью вдвоем, радуясь друг другу, чаще не говоря ни слова. За Наташей ухаживал Илья, за Ниной — Миша Талицкий. Это лето было одним из самых прекрасных в моей жизни, при воспоминании о котором становится так тепло»⁶.

Глубокие чувства, которые возникли в ходе игр в ухаживания, в дальнейшем привели к тому, что в компании сложились две супружеские пары: В. Н. Иванов — В. А. Смылова и И. О. Сосфенов — Н. С. Иванова, но это случилось позже. А пока одним из главных стремлений молодых людей было желание получить хорошее профессиональное образование, которое поддерживалось руководством музея.

В. Н. Иванов начал учиться в Москве раньше своих друзей, он перешел в МГУ из Ярославского педагогического института в 1925 г. на кафедру искусствознания. Среди профессоров и преподавателей того времени были А. И. Некрасов — прекрасный знаток русской архитектуры, И. Э. Грабарь — живописец, искусствовед и реставратор живописи, В. К. Трутовский — полиглот, бывший камергер и директор Оружейной Палаты в Кремле, в начале XX в. он был среди почитателей Ростовского музея церковных древностей, Б. П. Денике — читавший курсы искусства Востока, А. В. Бакушинский, А. А. Сидоров. Начали преподавать молодые ученые Н. И. Брунов, М. В. Алпатов, А. А. Фёдоров-Давыдов, Д. Е. Аркин. В дальнейшем известные люди, авторы фундаментальных трудов по истории и теории искусства, оставившие большое количество учеников. Со многими из них позже В. Н. Иванову довелось сотрудничать на ниве изучения и сохранения культурного наследия Родины.

Во время учебы он был представителем студенчества в Ученом совете факультета и способствовал поступлению своих ростовских друзей на учебу в МГУ, где сам учился на старших курсах. Вот как он об этом пишет в своих мемуарах: «Осенью 1927 г. я помог следующей партии молодой компании ростовских музейных работников поступить в университет — Лене Любимову, Вере и Нине. Мише Талицкому помогли Дм. Ал. (Ушаков) и Д. Н. Эдинг, он (Миша) пошел не на искусствоведческое, а на антропологическое. В 1928 г. я уже на летние каникулы (в Ростов) не ездил, но вся братия вернулась, и это был последний год. Потом в музее началась другая страница истории, шедшей под эгидой культурной революции»⁶.

В мае 1931 г. по Музею был нанесен тяжелейший удар. Ведущие сотрудники — Д. А. Ушаков, Н. Н. Ржевский, В. А. Талицкий, П. С. Иванов — были арестованы ОГПУ. Среди других обвинений им вменялось то, что они: «... подбирали в музей антисоветскую молодежь, которую при помощи музея продвигали в вузы для подготовки в будущем из них антисоветских музейных кадров...»⁷. К большому счастью, клеймо «антисоветский кадр» к героям настоящего рассказа не приклеилось, и каждый из них в дальнейшем смог служить своему отечеству. В этом чудовищном обвинении правдой было лишь то, что музей действительно продвигал своих сотрудников в вузы, рассчитывая на полноценную отдачу в будущем. Как музейных работников, их приняли сразу на второй курс. В. А. Смылова, Н. Н. Фелицына и И. О. Сосфенов, Н. С. Иванова учились на искусствоведческом отделении, М. В. Талицкий избрал специальность археолога.

По окончании обучения никто из друзей в Ростов не вернулся. Возможно, из-за того, что «в музее началась другая страница истории», как написал позже В. Н. Иванов. Он в 1928 г. закончил МГУ и поступил на работу в Московский Кремль по приглашению Н. Н. Померанцева, руководителя отдела памятников Кремля. Благодаря практическим навыкам, обретенным в Ростовском музее, и знаниям, полученным в университете, В. Н. Иванов вскоре стал штатным научным сотрудником, а затем и заведующим отделом. Кремль тогда был закрыт для массовых посещений. Но научная работа по сбору, систематизации,

описанию экспонатов и обеспечению их сохранности не останавливалась.

Для памятников Московского Кремля это были не лучшие годы. Именно тогда, несмотря на возражения видных архитекторов, ученых и искусствоведов, решили снести Вознесенский и Чудов монастыри. Для спасения культурных ценностей сотрудники отдела памятников составили планы раскопок, изъятия и фиксации предметов и их фрагментов, сбора реликвий. Но однажды, придя на место работы, обнаружили груды обломков — ночью собор был взорван. Практически все подготовленное для сортировки и сохранения погибло. В своих мемуарных записях В. Н. особенно огорчился исчезновением фресок, куски которых, снятые художником-реставратором П. И. Юкиным и подготовленные к закреплению, лежали на полу в соборе. Оказывается, не все фрески погибли. В середине 1990 г. в Новодевичьем монастыре, в филиале Исторического музея, я увидел несколько восстановленных фрагментов фресок из разрушенного Чудова монастыря. Где их можно увидеть теперь, не знаю.

После убийства Кирова в Кремле началась чистка, В. Н. перешел на работу в недавно созданный Музей архитектуры, в котором проработал 25 лет, прошел путь от научного сотрудника до директора. Этот период характеризуется, как и вся его жизнь, стремлением «спасти и сохранить». Благодаря его участию сохранены многие памятники, среди которых можно назвать Триумфальную арку, андреевский памятник Н. В. Гоголю, архитектурные фрагменты сооружений, затопленных при создании гидроэлектростанций Верхневолжского каскада, скульптурные композиции Храма Христа Спасителя, — всего не перечислишь. В 1960 г. В. Н. Иванов был вновь приглашен на работу в музей Московского Кремля, которые открылись для доступа. В 1965 г. он участвовал в создании международной организации по охране памятников — ICOMOS, в течение 12 лет был вице-президентом этой организации, а в дальнейшем ее почетным членом. В 1966 г. был одним из инициаторов отечественной общественной организации по охране памятников истории и культуры — ВООПИиК.

Все годы рядом с ним была В. А. Смылова. Они начали совместную жизнь в 1929 г. В. А. занималась не только организацией семейного быта и воспитанием детей. До войны она работала в музее Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом, музее игрушки, на выставке «Индустрия социализма». После войны В. А. стала работать в организациях, входящих в структуру Академии архитектуры. Во время работы в Центральной научно-производственной реставрационной мастерской она наблюдала за реставрацией голицынской больницы (1 городская больница г. Москвы), странноприимного шереметевского дома в Москве (Институт скорой помощи им. Склифосовского), и других объектов. Перед уходом на пенсию заведовала методкабинетом в Институте истории и теории архитектуры. Вместе В. Н. Иванов и В. А. Смылова прожили 62 года.

Другую супружескую пару составили И. О. Сосфенов и Н. С. Иванова. Мне не пришлось быть знакомым с И. О., он умер до моего рождения. Но в нашей семье его имя можно было услышать очень часто. После окончания университета он был назначен заместителем руководителя только что созданного отдела древнерусского искусства Третьяковской галереи. Неоднократно участвовал

в экспедициях по северным рекам России. Интересы его были очень разнообразны. Он продолжал заниматься фотографией, входил в состав левацкой группы фотографов «Октябрь», составлял теоретические манифесты группы. Фотографии И. О. Сосфенова публиковались в архитектурных журналах. Им написано множество статей о современной архитектуре: о станциях московского метро, о павильонах выставки «Индустрия социализма», об архитектуре харьковского Госпрома, статьи эти продолжают цитироваться в наше время. Жизнь И. О. Сосфенова оборвалась в 1941 г. из-за болезни. Похоронен он в Ростове. Есть одна мистическая история с надгробным памятником на его могиле. В середине 1970-х гг. Н. С. Иванова искала в Ростове камень для памятника, мужики принесли ей камень с могилы Д. С. Иванова — ее прадеда и бывшего городского головы. Таким образом, памятник с разоренного кладбища в Петровском монастыре вернулся на могилу потомков. Старинные надписи на памятнике сохранены. Е. И. Крестьянинова помогла мне разыскать могилу И. О. Сосфенова на старом ростовском кладбище. Теперь, когда я бываю в Ростове, стараюсь зайти на кладбище к И. О. Сосфенову.

Н. С. Иванова начинала работать в Ярославле, в реставрационной мастерской под руководством Н. И. Брягина. Первое образование она получила в Ярославском художественно-педагогическом техникуме. После того, как Д. А. Ушаков при поддержке И. Э. Грабаря добился разрешения открыть в Ростовском музее реставрационный отдел живописи, Н. С. переехала из Ярославля в Ростов и работала художником-реставратором. После войны она преподавала в детской художественной школе. Все, кто был знаком с ней, отмечали ее необыкновенную сердечность и готовность прийти на помощь. Как правило, она каждое лето приезжала в Ростов и отдавала много сил и души, ухаживая за больными матерью и теткой, а затем и младшей сестрой. Жила Н. С. дольше всех своих друзей и умерла уже в нашем веке.

М. В. Талицкого мне не пришлось знать лично, он погиб во время войны, до моего рождения. Имя его часто упоминалось в нашей семье, а в альбоме сохранились его фотографии, сделанные во время учебы в Москве. Он закончил МГУ в 1931 г. Как отмечено выше, его любовь к археологии сформировалась под влиянием Д. Н. Эдинга во время раскопок Сарского городища. Студентом он принимал участие в археологических экспедициях в разных районах страны. Настоящие открытия были сделаны им в Пермском крае, самостоятельные исследования которого он начал в 1929 г. Более 10 лет М. В. посвятил изучению этих мест. Самым крупным открытием стала палеолитическая стоянка на правом берегу р. Чусовой вблизи бывшей д. Остров. С этой стоянки он ушел добровольцем на фронт и погиб под Москвой в 1942 г. После войны на стоянке работы продолжил известный археолог О. Н. Бадер, по его инициативе она названа именем первооткрывателя М. В. Талицкого. В настоящее время территория стоянки практически полностью разрушена водами Камского водохранилища.

Н. Н. Фелицына вскоре после окончания университета вышла замуж за С. Кофмана, с которым познакомилась во время учебы. Его в 1934 г. на-

правили секретарем полпредства в Литву, столицей которой был Каунас. Н.Н., взявшая фамилию мужа, отправилась вместе с ним. Друзья-приятели называли ее «наша послыха». Совместная жизнь с начинающим дипломатом продолжалась очень недолго. В 1937 г. С. Кофман был арестован и вскоре отправлен на Колыму, откуда уже не вернулся. Н.Н. до конца жизни не меняла фамилию первого мужа, хотя можно предположить, что быть «женой врага народа» было не просто. В 1944 г. она возглавила детскую художественную школу. В школе нашли приют многие художники, состоявшие в «черных списках». Среди них были М. С. Перуцкий, М. Т. Хазанов, Р. Р. Фальк. В школе она сблизилась с художником А. М. Глускиным. Он подарил Ростовскому музею свою картину «Башня Ростовского кремля», написанную в начале 1960-х гг., когда Н. Н. Кофман и А. М. Глускин вместе отдыхали в Ростове. Я был на состоявшейся в школе персональной выставке художника, когда А. М. показал эту картину моим родителям. В. Н. Иванов заметил, что они привыкли к другому образу Ростовского кремля. А. М., восприняв это замечание как необоснованную критику и его, как художника, и картины, резко ответил, что имеет право на свое видение. Возникшее недоразумение объяснялось не различием восприятия, а тем, что после разрушительного смерча и реставрации В. С. Баниге сменился не только цвет покраски, но и облик башен. После соответствующих разъяснений конфликт был улажен. Н. Н. удостоилась звания «Заслуженный работник культуры», и в 1972 г., проработав в школе более 25 лет, ушла на пенсию. Однако не могла существовать без дела и продолжила работу по художественному воспитанию детей в «музее изящных», как не переставали называть друзья ГМИИ им. А. С. Пушкина. Там стала руководителем изостудии, возглавляла которую до 1996 г. Она была членом международных жюри конкурсов по детскому рисунку, организовывала выставки в разных странах мира. Нина Николаевна оставалась удивительно красивой до конца жизни. Думаю, этому способствовало постоянное общение с детьми.

Вскоре после отъезда дружной компании на учебу в Москву и событий, связанных с арестом сотрудников, М. П. Ильин ушел из музея и покинул Ростов. Он надолго исчез и не давал знать о себе, но в самом начале 1960-х гг. неожиданно объявился. После отъезда из Ростова он обосновался в Тульской области, в г. Ефремове, где преподавал биологию в школе. После возобновления общения регулярно приезжал в Москву, почти всегда останавливался в доме моих родителей. Довольно часто писал письма. Эти письма я передал в музей, где они хранятся в личном фонде В. Н. Иванова. Михаил Петрович не забыл уроки творческого отношения к жизни, которые получил за непродолжительное время работы в Ростовском музее. Он занимался исследованием фауны Тульской области и написал несколько книжек, выпущенных областным издательством, а одна из его книг под названием «Школьный гербарий» издавалась до недавнего времени⁸.

Во время обучения в МГУ у дружеской компании сложилась традиция обязательно собираться в начале марта, день сбора обычно совпадал с женским праздником 8 Марта или днем рождения В. А. Смысловой — 5 марта. К компа-

нии примыкали также новые члены, студенты, в дальнейшем коллеги по работе, но организующим центром оставались ростовцы. Традиция мартовских встреч укрепилась и продолжалась практически до конца века, до того времени, когда встречаться стало некому.

Завершая рассказ, хотел бы отметить, что всем героям, о которых шла речь, была присуща внутренняя свобода, позволявшая держаться и противостоять многим неблагоприятным внешним обстоятельствам, которыми был богат XX век. Автору необыкновенно повезло в жизни наблюдать столь продолжительную и бескорыстную дружбу, и в какой-то степени быть участником этих отношений, начало которым было положено в стенах Ростовского музея.

В заключение считаю необходимым поблагодарить О. В. Букрееву, которая подобрала ряд материалов из фондов музея.

**

¹ Брюханова Е. В. История комплектования и экспонирования предметов декоративно-прикладного и народного искусства ИКРЗ. 2001. Ростов, 2002.

² Иванов В.Н. О поселке Борисоглебский. Воспоминания (1923-1927 гг) // ГМЗРК. Ф. «Иванов Владимир Николаевич». Д. 16.

³ ГМЗРК. АДМ-615, АДМ-618, АДМ-619, АДМ-625.

⁴ Эдинг Д. Н. Сарское городище. М., 1928.

⁵ Иванов В.Н. О работе в Ростовском музее. Воспоминания (1923-1927 гг) // ГМЗРК. Ф. «Иванов Владимир Николаевич». Д. 17.

⁶ Там же.

⁷ Рязанцев Н. П. (Московский государственный университет путей сообщения). Из истории Ростовского музея в 1920-е годы (по материалам музейного отдела Наркомпроса). ИКРЗ. 2009. Ростов, 2010.

⁸ Ильин М. П. Школьный гербарий. М., 1997.

Ил. 1. Лев Николаевич Иванов, Вера Александровна Смыслова (сидят), Михаил Петрович Ильин, Нина Николаевна Фелицына. 1928

Ил. 2. Заседание кафедры искусствознания МГУ. Слева направо: А. А. Федоров-Давыдов, Б. П. Денике, А. И. Некрасов, В. П. Лазарев, А. В. Бакушинский, В. Н. Иванов, В. Н. Чепелев

Ил. 3. В. Смылова, И. Сосфенов, Г. Вебер, Г. Недошивин. Студенческая экспедиция по Северной Двине, 1929. Фото опубликовано в книге: Г. А. Недошивин. Из истории зарубежного и отечественного искусства. Избранные работы. М., 1990

Ил. 4. Н. Фелицына и В. Смылова. Подруги в общежитии студентов МГУ на Стрмынке. Фото И. Сосфенова, 1929

Ил. 5. В. Н. Иванов. Музей архитектуры. Донской монастырь. Фото А. В. Иванова, 1957

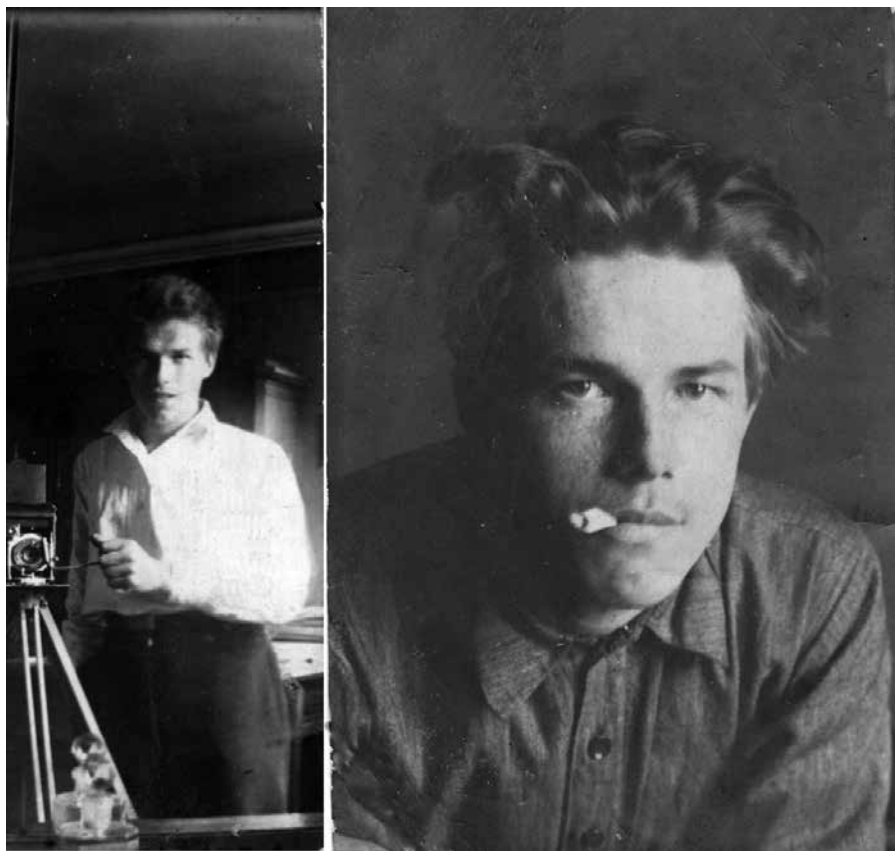
Ил. 6. В. А. Смылова. Москва, усадьба Кузьминки. Фото И. Сосфенова, 1929 г.

Ил. 7. И.О. Сосфенов. Журналист и искусствовед. Начало и середина 1930-х гг.

Ил. 8. Н.С. Иванова. Художник. Фото И. Сосфенова, конец 20-х и середина 30-х гг.

Ил. 9. М. В. Талицкий. Студент. 1928–1930

Ил. 10. Н. Н. Кофман (Фелицына). Фото для международного паспорта. 1934